

ФЕДОР АБРАМОВ

МАМОНИХА

Повесть

(фрагменты)

Глава 1

Приезд гостей застал тетку Груню явно врасплох – она выбежала на крыльцо босиком, без платка, в старом-престаром сарафанишке аглицкого ситца, какой, бывало, надевала по великим праздникам.

– О, о, кто приехал-то! – запричитала она по-родному, окая, враспяг. – А я ведь думала, уж и ты передумал.

Мокрый от старушечьих поцелуев и слез, Клавдий Иванович шагнул в желанную прохладу нетопленной избы (тридцать градусов в одиннадцать утра было!) и тут все разом разъяснилось: брат и сестра не приедут – тетка две телеграммы подала ему. На Никодима, как было сказано в телеграмме, неожиданно свалилась важная командировка, а у Татьяны – тоже неожиданно – заболел сын.

Клавдию Ивановичу обидно было до слез. Ведь договаривались же, списывались: нынешним летом собраться под родной отцовской крышей – больше десяти лет не виделись друг с другом. А потом, надо было что-то делать и с самим домом – тетка Груня в каждом письме плакалась: разорили охотники да пастухи ваше строенье, одни стены остались, да и тех скоро не будет.

У Клавдия Ивановича было отходчивое сердце, и сам он быстро справился с собой. Ну не приедут и не приедут – что поделаешь? Чего не бывает в жизни? Но жена... Как все это объяснить, втолковать жене?

Полина последние три месяца, можно сказать, только тем и занималась, что шила платья да всякие там женские штуковины – не хотелось ударить лицом в грязь перед столичными. И сколько она денег на это добро извела, так это страшно и выговорить. И вот на тебе – все зря.

Первые минуты за столом сидели, как на похоронах. Всех – и тетку, и грузную соседку Федотовну, которая приплелась посмотреть на дальних гостей, и, конечно, самого Клавдия Ивановича – всех замораживал мрачный вид Полины.

Оттаяла она немного лишь после того, как пропустили по второму колокольчику.

Тут сразу с облегчением вздохнувший Клавдий Иванович скинул теснившие ногу туфли, снял запотелые носки и начал босиком расхаживать по некрашеному, льняному полу – сколько уж лет не чувствовал под ногой певучей деревянной половицы!

– Походи, походи, Клавдий Иванович, – одобрительно закивала тетка. – Вишь вот, ты в отца ногой-то. У того, бывало, нога не терпела неволи. В чей дом ни зайдет – в свой, в чужой, а первым делом долой сапог да валенок, иначе ему и жизнь не в жизнь...

– Дак ведь не зря босым и звали, – подковырнула Федотовна.

Тетка стеной встала за покойного брата. Дескать, верно, босым звали – у кого раньше прозвища не было, да не босым жил. Ну-ко, кто такое житье имел? Кто в колхоз столько добра сдал? Корову, быка-двухлетка, да кобылу в самой поре, да жеребца выездного, да трой сани, да две телеги...

– Нет, нет, – отрезала тетка, – не по прозвищу величали Ивана Артемьевича, а по фамилии. А фамилья у нас, Устинья Федотовна, сама за себя говорит: Сытины. – И вдруг

горько расплакалась: – Всё, боле, Клавдя, нету нашей Мамонихи. Одни медведи теперека живут да еще Соха-горбунья мается.

– Соха-горбунья? Она жива?

– Жива, жива. Всю зиму, бедная, из халупы не вылезит, как в берлоге сидит.

– Давай дак не рыдай, – строго заметила Федотовна. – Нашла о ком плакать. Мало у ей помощников-то...

– Это у Сохи-то помощники?

– А чё? Всю жизнь лешаки да бесы служат, вся погань, вся нечисть у ей на побегушках.

– Не говори чего не надо-то. Всего можно на человека наговорить.

– Да ты где, в каких краях-то выросла?

Разговор становился шумным, крикливым: обе старухи – и тетка, и Федотовна – всю жизнь вот так, ни за что не уступят друг дружке, и Клавдий Иванович с тревогой начал поглядывать на неплотно прикрытую дверь на другую половину, куда незадолго до этого ушла передохнуть Полина с сыном.

Тетка на это чуть заметно покачала головой: не нравилось ей, что племянник под пятой у жены, да, похоже, и Федотовна кое-какую зарубку в своей большой мужикоподобной голове сделала – больно уж сочувственно поглядела на него. Но Клавдий Иванович и ухом не повел. Пускай себе думают, что хотят. Разве они знают, сколько мук приняли Полина и Виктор за дорогу! Целые сутки парились-душились в поезде да сутки без мала сидели на областном аэродроме, да этот районный автобус, будь он неладен: жара, духота, давка, пылища – рот затыкает...

Спасение пришло от какой-то сопленосой девчушки. Девчушка вдруг закричала под раскрытым окошком:

– Федотовна, чего расселася, как баржа! Коза у тебя в огороде благим матом орет, вокруг кола запуталась.

– Манька? – Старуха живо вскочила на ноги. – Да пошто запуталась-то? Я токо-токо была у ей. – И вскоре уже, шумно дыша, затопала под окошками.

Когда она наконец вышла из заулка, тетка со вздохом сказала:

– Тепере по всему Резанову расславит. Наплетет с три короба.

– А чего ей плести-то?

Тетка обиженно поджала губы: мол, чего в прятки-то играть. Не знаешь разве Федотовну? И разговор перевела на дом:

– Продавать вам надо свою вотчину, покудова пастухи да охотники не спалили. Я весной была – огневище в передней-то избе. Сколько-то камешков, кирпичиков на пол брошено, а на них уголье.

– Да разве печи в избе нету? – возмутился Клавдий Иванович.

– А в печи-то неинтересно. А тут бутылка в хайло и огоничком припекает. Как на курорте. Злыдень, злыдень пошел народ. Совсем образ потерял. – И тетка опять принялась толковать про продажу дома.

– А покупатели-то найдутся? – спросил Клавдий Иванович. – Я от райцентра сюда ехал – этого добра, домов нежилых-то, в каждой деревне навалом.

– То старье, дрова. А которые получше да покрепче, те подбирают. У нас Геннадий Матвеевич большие деньги загребает. Сколько уж домов на станцию да в район сvez. Был тут как-то. Напиши, говорит, своим умникам, это вам-то: сколько, говорит, еще дом будут мурыжить? Але ждут, когда по ветру пустят? Да он сам и пустит – рука не дрогнет. Знаешь ведь, какого роду-племени.

– Чего-то я, тета, не пойму, о ком ты... – пожал плечами Клавдий Иванович.

– Давай дак чего понимать-то! – загорячилась старуха. – Геха-маз. Матюги-быка сын.

– Да ну! Геха-бык здесь? – Клавдия Ивановича прошибло слезой, и он не стыдился ее: вместе на одной улице росли, вместе в одну школу бегали, вместе в армию в один день призывались... Да разве все перечислишь?

– Здесь, здесь, – сказала тетка. – Только быком-то ноне не зовут – сам прозвище себе заробил. На грузовике ездит, «маз» называется – страсть какой зверь. Мимо-то идет-едет – у меня дом дрожмя дрожит от страха. Вот «маз»-от этот и переборол отцовскую кличку. Нынче про «быка»-то никто и не вспомнит.

Тетка, слегка прищурив глаза, вытянула старую белую шею в сторону раскрытого окна.

– В деревню-то въезжали – видел дворец-то каменный, там, где ране дом лесничего был? Ну дак это Геннадия Матвеевича владенья. Да, ни у кого отродясь в Резанове каменных хором не бывало, да и в других деревнях не помню, а он вот, на-ко, построил. Самого лесничего, барина, переплюнул, а про кулаченных, я про тех уж и не говорю – голяки против его. Всех, всех под себя подмял. И людей, и леса. Машинный человек, вся жизнь у его в руках.

– Надо будет как-нибудь заглянуть, – сказал Клавдий Иванович.

– Да не как-нибудь, – возразила тетка, – а сегодня же, сию минуту, ежели хочешь поскорей домой попасть. А то уедет на сенокос але еще куда – ищи его тогда.

...

Глава 14

Полина объявила бойкот. Это всегда так, когда чуть что не по ней: глаза в землю, язык на замок и никого не слышу, никого не вижу.

Клавдий Иванович землю носом рыл, чтобы угодить жене. Он истопил баню, сбегал на станцию за свежими огурцами и помидорами, даже две курочки раздобыл в соседней деревушке, а уж о свежей лесовине и говорить нечего: грибы да ягоды у них не переводились. Нет, все не в счет, все не в зачет.

Душу удавалось отогреть только у бабы Сохи.

Утром из дома он выйдет, вроде как в лес отправился, за подножным провиантом, а сам перейдет Вертушиху и к старухе. Задами. Заново натопанной тропкой.

С бабой Сохой можно было разматываться на полную катушку – все поймет, не осудит. И он разматывался. Обо всем без утайки говорил: о своем житье-бытье с Полиной, о Лиде, о Гехе.

Но вот что было удивительно? Как только он заводил речь об отцовском доме – а ведь именно из-за дома весь нынешний сыр-бор разгорелся, из-за дома у него война в семье – так баба Соха отводила в сторону глаза.

Клавдий Иванович горячился:

– Я что-то не пойму тебя, баба Соха. Неужто ты хочешь, чтобы я своими руками раскатал отцовский дом? Да я, может, еще в Мамонихе-то жить буду! Сама же рассказывала, как брат у тебя на старости лет домой вернулся.

– Дак ведь то когда было-то.

– Неважно. Сейчас команда на подъем всей русской жизни. Чтобы все земли, какие заброшены да заросли кустарником, снова пахать да засевать. Это тут у вас умники объявили: Мамониха кончилась, Мамониха неперспективна. А сейчас – стоп! Сдай назад. А то ведь эдак всю Россию можно неперспективной сделать. Правильно говорю?

– Не знаю, не знаю, Клавдий Иванович, – вздыхала старуха. – А только не советую тебе срываться с насиженного места.

– Почему?

– А тяжело нынче жить в деревне.

– Тяжело... А дедам нашим легче было? Одной лопатой, да топором, да сохой раскапывали здешние поля. А нынче сколько техники всякой, машин!

– Много, много нынче машин, – соглашалась старуха, – да люди нынче другие. Балованные. Легкой жизни хотят.

– Ничего, – стоял на своем Клавдий Иванович, – и нынче всякие люди. Мы с тобой, к примеру, всего хлебнули: и войны, и голода, и холода. Забыла, как после войны тошнотики ели – колобушки из картошки, которую собирали на полях весной? А в чем ходили – помнишь?

В таких вот разговорах у них проходило и два, и три часа, а потом Клавдий Иванович спохватывался и бежал в лес за грибами, за малиной – благо такого добра в этом году было много. И близко – в первых кустах и елях за Вертушихой.

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Мамониha : повесть // Нева.— 1980.— № 9.— С. 3-27.